

На правах рукописи

МАНТОВА Юлия Борисовна

**ПУТЕШЕСТВИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ IX-XII вв.:
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ**

специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена в Институте высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор
Иванов Сергей Аркадьевич

Официальные оппоненты:

Кущ Татьяна Викторовна
доктор исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Института гуманитарных наук и искусств

Черноглазов Дмитрий Александрович
кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры общего языкознания
филологического факультета

Ведущая организация:

Институт славяноведения Российской академии наук

Защита состоится «17» июня 2016 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете им М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские Горы, МГУ, 1-ый учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан « _____ » 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Собеска

Савельева О. М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Путешествие как социально-культурный феномен, а также его литературные воплощения всегда плодотворны для исследования, так как предлагают широкий круг проблем, которые можно рассматривать в самых разных аспектах. Тем удивительнее, что в византиноведении буквально до самого последнего времени путешествиям не уделялось особого внимания. А если говорить об особенностях их литературного воплощения, то этот вопрос является фактически не исследованным. Он затрагивается в нескольких научных работах, но они лишь косвенно касаются темы диссертационного исследования, так как в основном базируются на другом материале.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования - выявление основных художественных принципов, на которых строится описание путешествий в византийской агиографии IX-XII вв., а также проследить эволюцию их литературного воплощения.

В соответствии с этой целью ставятся задачи:

- 1) проанализировать в синхронической и диахронической проекциях, какие объекты окружающего пространства попадают в поле зрения агиографов при описании путешествий, как именно и насколько подробно они описаны;
- 2) рассмотреть особенности описания движения в путешествиях и оценить, насколько путь, описанный агиографом, адекватно отражает непосредственно процесс перемещения в пространстве; проследить, воплощается ли он в перечислении нескольких статичных картин или в едином континуальном описании, снабженном личными ощущениями и впечатлениями самого путешественника;
- 3) оценить, как соотносятся между собой агиографические путешествия XII в. и византийские «хождения», посвященные непосредственно путешествиям и появившиеся именно в этот период;
- 4) проанализировать, какие литературные функции выполняют путешествия и их описания в житиях; насколько они важны для композиционного и сюжетного построения.

Актуальность и степень разработанности темы. Важным аспектом в исследовании является соотнесение описаний путешествий с библейскими и античными литературными образцами, на которых базировалась в своем развитии византийская агиография. Этот вопрос имеет особую актуальность, так как только в последнее время в научном сообществе преодолено мнение, что агиографическая литература бесконечно

воспроизводит одни и те же образцы и не подвергается никаким влияниям. Очевидно, что континуитет и влияние традиции, широкое использование топосов и клише действительно характерны для такого типа литературы. Но внимательное изучение того, какое именно художественное выражение имеют эти топосы, их внутренне развитие и взаимодействие, отчетливо демонстрирует, что агиография развивается, впитывает общие литературные тенденции, отражает социальные и культурные изменения¹.

Что касается разработанности темы, на данный момент литературный аспект описания путешествий в житийной литературе практически не исследован. Единственная монография, посвящённая именно агиографическим путешествиям - книга Э. Маламут «Дорогами византийских святых»², вышедшая в 1993 г. в Париже. Однако это исследование посвящено сбору фактологической информации о путешествиях, содержащейся в текстах, и совсем не затрагивает их литературных особенностей. Исследовательница реконструирует основные маршруты передвижения святых по империи, обозначает сроки и способы путешествий, прослеживает развитие паломнических центров в разные эпохи существования Византийской империи, отмечает особенности состояния дорог.

Поскольку работ, основанных исключительно на житийном материале, крайне мало, представляется необходимым анализ научной литературы, посвященной более широкому кругу вопросов, связанных с путешествиями. Так, следует отметить монографию А. Кюльцера, опубликованную в 1994 г. и посвященную паломничеству в византийское и поствизантийское время³. Как и Э. Маламут, А. Кюльцер основное внимание уделяет историческому аспекту, но при этом он придерживается, строго говоря, прямо противоположного подхода к житийной литературе. По его мнению, агиографы полностью подчинены задаче прославления святых, и такая литература не может служить источником исторических знаний. Она бедна социально-исторической информацией, да и то немногое, что в ней есть, не может считаться достоверным. Именно поэтому автор практически не ссылается на агиографические тексты. Тем не менее, в этой работе содержится довольно важная для нас глава *Ekphrasis und Pilgerliteratur*⁴, где автор прослеживает использование античной традиции описаний в византийской паломнической литературе.

¹ Efthymiades S. Introduction/ The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Volume II: Genres and Contexts, ed. S. Efthymiadis. Farnham, 2014. P. 14-15.

² Malamut E. Sur la route des saints Byzantines. Paris, 1993.

³ A. Külzer. Peregrinatio graeca in Terram Sanctam: Studien zu Pilgerführern und Reisebeschreibungen über Syrien, Palästina und den Sinai aus byzantinischer und metabyzantinischer Zeit. Frankfurt, 1994.

⁴ Ibid., p. 88-95.

Определенной вехой в исследования византийских путешествий стал 2000 г., когда в Бирмингеме и Дамбартон Оксе состоялось два крупных симпозиума, посвященных данной теме. На первом из них обсуждались путешествия в целом, а в ходе второго исследовательское сообщество сосредоточилось специальным образом на паломничестве. Материалы обеих конференций были изданы в 2002 г. и по сей день продолжают оставаться актуальными ввиду отсутствия более современных фундаментальных работ. Это сборник статей *Travel in the Byzantine World*⁵ и 56 выпуск издания *Dumbarton Oaks Papers*⁶.

Большинство статей сборника *Travel in the Byzantine World* посвящено конкретно-историческим фактам, касающимся путешествий. Это вопросы состояния дорог, сухопутных и морских транспортных возможностей, качество флота, навык византийских моряков, маршруты, сроки путешествий и т.д. Что касается паломничества, то в выпуске *Dumbarton Oaks Papers* представлены некоторые отдельные аспекты проблемы, как например, региональное паломничество⁷, посещение чудодейственных мощей с целью исцеления⁸ или посещение здравствующего святого⁹. Из материалов с более общей темой выделяется статья М. Каплана «Паломничества святых в средневизантийскую эпоху (VII-XII вв.)»¹⁰, которая полностью основана на житийных текстах и представляет собой обзор самых ярких паломнических путешествий, описанных в агиографии. Автор концентрируется на разнообразных причинах, которые побуждают людей отправляться в дальний путь, фиксирует основные центры притяжения паломников, анализирует сложности пути, отмеченные в текстах.

В 2001 г. вышла еще одна статья на ту же тему: «Византийское паломничество в Святую землю с VIII по XV вв.»¹¹. Э.-М. Тэлбот оценивает как недостаток отсутствие в упомянутой нами книге Кюльцера «*Peregrinatio graeca in Terram Sanctam*» агиографических источников и предлагает обзор текстов, которые могут быть полезны

⁵ *Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April, 2000. Ed. by R. Macrides. Newcastle-upon-Tyne, 2002* (далее: *Travel*).

⁶ *Pilgrimage in the Byzantine Empire: 7th–15th Centuries. Dumbarton Oaks Symposium 2000//Dumbarton Oaks Papers* (далее: DOP). Vol. 56, 2002.

⁷ Foss C. Pilgrimage in Medieval Asia Minor// DOP. Vol. 56, 2002. P. 129-151.

⁸ Talbot A.-M. Pilgrimage to Healing Shrines: The Evidence of Miracle Accounts// DOP. Vol. 56, 2002. P. 153-173.

⁹ Greenfield R. Drawn to the Blazing Beacon: Visitors and Pilgrims to the Living Holy Man and the Case of Lazaros of Mount Galesion// DOP. Vol. 56, 2002. P. 213-241.

¹⁰ Kaplan M. Les saints en pèlerinage à l'époque mésobyzantine (7e-12e siècles)// DOP. Vol. 56, 2002. P. 109-127.

¹¹ Talbot A.-M. Byzantine Pilgrimage to the Holy Land from the Eighth to the Fifteenth Century/ The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present, ed. J. Patrich. Leuven, 2001. P. 97–110.

для пополнения наших знаний о путешествиях в Святую землю после того, как Византия потеряла эти территории. Автор убедительно доказывает, что привлечение житийных источников действительно необходимо, так как собственно паломничеств или итinerариев у нас ничтожно мало. И это само по себе представляет загадку, на которую сегодня не существует однозначного ответа. Однако, даже поверхностное знакомство с паломничествами, упомянутыми в жизнеописаниях святых, позволяет расширить горизонты наших представлений об этом явлении. В первую очередь, становится очевидным значительное количество паломничеств, их можно насчитать порядка тридцати. Во-вторых, очень важно отношение к ним, отразившееся в текстах. Агиографы не пишут о паломничестве как о чем-то из ряда вон выходящем, а как о вполне обыденной практике.

Главное, что объединяет все вышеупомянутые работы, это сугубо исторический аспект. Помимо них есть несколько статей, которые написаны с более широкой культурологической позиции, где путешествия представлены как социальный феномен, а также оценивается их восприятие обществом. Самый яркий пример - статья К. Галатариоту, которая так и называется «Путешествие и восприятие в Византии»¹², но автор, к сожалению, не рассматривает ни одного житийного источника.

Что касается непосредственно агиографических памятников, то они рассматриваются в статье 1999 г. С. Эвфимиадиса «Воображаемые и реальные путешественники в Византии VIII, IX и X вв.»¹³, где автор анализирует агиографические путешествия в историческом контексте повседневной жизни. Он представляет краткий обзор конкретно-исторических обстоятельств, способствовавших или, наоборот, препятствовавших передвижению людей в период VIII – X вв., а также анализирует отражение этих движений в агиографической литературе. Он выделяет круг текстов, которые можно назвать «путешествующей агиографией», поскольку путешествия в них составляют основное содержание. Помимо основных персонажей в этих произведениях, автор говорит и о читателях как о полноправных героях этой литературы, поскольку без них нельзя представить полноценный литературный процесс, который всегда двусторонен. По мнению С. Эвфимиадиса, эти путешествия были необходимы читателям как средство эскапизма, как возможность хотя бы мысленно преодолеть географическую замкнутость жизни. Такое явление в литературе отражало стремление людей увидеть мир за пределами пространства своей привычной жизни. Несмотря на то, что в этой статье

¹² Galatariotou C. Travel and Perception in Byzantium // DOP. Vol. 47, 1993. P. 221-241.

¹³ Euthymiades S. Νοεροί καὶ πραγματικοί ταξιδιώτες στο Βυζάντιο του 8ου, 9ου και 10ου αιώνα// Byzantina 20, 1999. P. 155-165.

затрагиваются сугубо литературные вопросы, там нет анализа того, как именно описываются эти странствия.

Более специальное внимание литературоведческой проблематике уделяется только в двух работах. Это небольшая глава о путешествиях в книге Т. Пратша «Агиографический топос: греческие жития святых в средневизантийский период»¹⁴ и статья М. Маллетт «В опасности на море: путешествия в литературных жанрах и неожиданности»¹⁵.

Фундаментальное исследование Т. Пратша представляет собой огромный систематический каталог агиографических топосов, а также содержит оценку их значения в формировании и развитии житийной литературы. Автор рассматривает многочисленные путешествия святых как один из устойчивых мотивов и приводит их классификацию, беря за основу цель или, в отдельных случаях, причину, побудившую героя отправиться в путь. Рассматривая такую классификацию, надо отметить, что, с одной стороны, это вполне литературоведческий подход, так как топос – часть именно литературы, но с другой стороны, в этой главе совсем не представлено литературное воплощение этих путешествий, как именно они описываются, насколько кратко или подробно, на чем расставлены акценты и т.д.

Таким образом, наиболее важной работой, где все внимание уделено непосредственно литературной стороне вопроса, является статья М. Маллетт, которая исследует мотив морских приключений и опасностей в различных жанрах византийской литературы, его функцию в этих жанрах и собственно форму, т.е. как именно он воплощается в текстах. При этом значительную часть составляют наблюдения именно по интересующему нас периоду.

Несмотря на то, что в данной статье рассматривается только мотив морских приключений, именно она послужила отправным пунктом для нашего исследования, основанного на литературоведческом анализе греческих памятников.

В качестве основного **объекта исследования** было отобрано сорок четыре оригинальных греческих текста IX-XII вв., тридцать шесть из которых относятся к агиографическим жанрам, а восемь представляют собой, так называемые, «хождения» - описания паломнических или деловых путешествий, составленные вне агиографического канона.

¹⁴ Pratsch T. Der hagiographische Topos: Griechische Heiligeniten in mittelbyzantinischer Zeit . Berlin, 2005. S. 147-160.

¹⁵ Mullett M. E. In peril on the sea: travel genres and the unexpected/ *Travel*, p. 259–284.

Обозначенные временные рамки обусловлены стадиями развития византийской агиографии и соответствуют одному из важнейших периодов в истории данного типа византийской литературы.

Из нескольких видов агиографических жанров мы выбрали жизнеописания, а также рассказы о перенесении мощей, поскольку именно эти виды содержат наибольшее количество необходимого материала. Житийные тексты отбирались на основании формального признака: наличия сведений, представленных агиографом, о том, что герой/герои совершали путешествия на значительные расстояния в масштабах империи. Также мы стремились подобрать тексты так, чтобы они включали в себя самые разные путешествия – ссылки, паломничества, деловые поездки и т.д. При этом возможная степень исторической достоверности описанного путешествия и даже самого героя не имеет решающего значения. В круг рассмотренных источников включены жития легендарного характера, поскольку нашей основной задачей является анализ непосредственно литературного текста, в котором путешествия описаны исходя из вкусов и возможностей автора. Что касается текстов, содержащих описания путешествий в потусторонние пространства (рай, ад и др.), то они остаются за рамками нашего внимания, так как имеют специфический характер, требующий особого методологического подхода. Корпус основных источников приведен в библиографии в хронологическом порядке.

В ходе работы над главой 2 возникла необходимость использовать некоторые дополнительные источники. Данная глава посвящена метафорике пути и содержит анализ словоупотребления слов *ὁ δρόμος*, *ἡ ὁδός*, *ἡ πορεία* и др. в средневизантийских агиографических жизнеописаниях, проведенный на основе электронного тезауруса древнегреческой литературы¹⁶. В связи с этим в тексте диссертации приводятся фрагменты из текстов, которые не входят в основной список, но содержат интересные примеры употребления изучаемой метафоры.

В основе **методологии** лежит комплексный литературоведческий анализ корпуса отобранных источников. В этой связи, представляется, что полное прочтение памятников необходимо, поскольку опора лишь на эпизоды, где герой находится в пути, неизбежно приведет к утере ценной информации, поскольку сами границы этого передвижения могут быть достаточно размыты. Путешествуя, герои останавливаются в деревнях, городах, посещают святыни, общаются с людьми. И хотя в этот момент они уже не находятся на дороге или в плавании, посещение того или иного места, несомненно, составляет часть их путешествия.

¹⁶ Thesaurus Linguae Graecae [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tlg.uci.edu>. Дата обращения – 01.12.2013.

Отмечая элементы антропогенного и природного ландшафтов, которые упоминают агиографы, мы сначала определяем их состав, а затем рассматриваем каждый элемент в связи с традицией его литературного изображения, пытаясь установить использованные авторами образцы и оценить степень свободы, с которой они с ними обращаются.

Кроме того, мы выделяем и анализируем элементы чудесного, присутствующие в агиографических путешествиях, а также пытаемся установить соотношение чудесного и обыденного в рамках этих путешествий.

Также мы оцениваем особенности топографической презентации местности, что дает представление о том, были ли агиографы заинтересованы в передаче реальной топографии, или вполне довольствовались абстрактным географическим фоном.

В ходе работы мы отметили, что путешествие в целом и образ дороги как его частное проявление имеют невероятно важное метафорическое значение, чему посвящена отдельная глава. В качестве методологии в ней использованы принципы когнитивной теории метафоры.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в представлении агиографических путешествий в аспекте, который практически не был изучен до этого. Мы не рассматриваем жизнеописания святых как исторический источник, позволяющий получить данные о практике путешествий, но предлагаем оценить художественные достоинства особого пласта средневековой византийской литературы, занимавшего в ней огромное место, и по количественному параметру, и по географической распространенности, и по степени доступности для чтения.

Исследование направлено не только на фиксацию общих мотивов и приемов, но и на поиск индивидуального, что противоречит традиционным представлениям о средневековой литературе в целом. Объем рассмотренных источников позволяет сделать выводы о том, какие произведения выделяются из общей массы, в чем именно проявляется их нестандартность.

Научно-практическая значимость работы состоит в обогащении наших знаний о развитии литературного процесса в средневизантийскую эпоху. Результаты данного исследования могут быть включены в курсы истории византийской литературы, что актуально, поскольку на сегодняшний день не существует общего исследования, посвященного литературе данного периода.

Также работа имеет потенциал для самых разнообразных сравнительных исследований. Степень изученности византийской агиографии и литературы в целом долгое время значительно уступала уровню разработанности западноевропейского

материала. Вследствие этого возможности сравнительных исследований по более специальным темам достаточно ограничены. Представляется, что материал, подобранный и проанализированный в диссертации, может быть плодотворно использован при сравнении путешествий в разных житийных традициях, в частности, западно-европейских или славянских, что помогло бы прояснить степень взаимного литературного влияния в данный период. Введение византийского агиографического наследия в более широкий культурный контекст, несомненно, имеет интересные перспективы как для самого византиноведения, так и для общего знания о культуре Средневековья.

Положения, выносимые на защиту:

1. Агиографы подходили к использованию привычных образов и топосов с определенной свободой, могли представлять их по-новому или обогащать дополнительными непривычными деталями. Некоторые авторы преодолевали традиции в применении топосов, неожиданно отказываясь от них в стандартных ситуациях, что создает эффект игры с читателем и горизонтами его ожиданий. В результате, во многих случаях можно говорить об индивидуальной манере автора, его собственном видении того, как следует описывать путешествие героя.
2. В общих чертах можно обозначить динамику в изображении путешествий как постепенный переход от схематичности и условности описаний к наполнению их сначала подробностями передвижения, а в XII в. уже и субъективными ощущениями путешественника.
3. Эпизоды, связанные с чудесным преодолением трудностей и опасностей пути перестают иметь первостепенное значение в текстах XI -XII вв. В путешествиях этого периода чудеса уступают место более реалистичным способам решения проблем.
4. Несмотря на постоянное стремление большинства странствующих святых убежать от мира людей и обосноваться в совершенно не досягаемом месте, агиографы уделяют огромное внимание описанию социального пространства. Бесконечные встречи и взаимодействие святых с самыми разными людьми - неотъемлемая часть в описании их путешествий.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на международной конференции *Византийская агиография: темы, тексты и проекты* (ПСТГУ, Москва, ноябрь 2012 г.); на семинаре Института высших гуманитарных исследований РГГУ (РГГУ, Москва, апрель 2014 г.); на XVIII Чтениях памяти И.М. Тронского (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, июнь 2014 г.); на международной конференции *Diegesis in Greek Literature* (Масариков университет, Брно, Чешская Республика, ноябрь 2014 г.), на XIX Чтениях памяти И.М. Тронского (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, июнь 2015 г.).

По отдельным темам, связанным с проблематикой исследования, были сделаны доклады на международной научной конференции *Landscapes of Power*, организованной Византийским обществом Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания, февраль 2013 г.), на XX Всероссийской научной сессии византиистов России «Византия и византийское наследие в России и в мире» (Москва, июнь 2013 г.).

Структура работы соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлена степень изученности темы, обоснована ее актуальность, сформулированы цель и задачи исследования, определены объект и научная значимость работы, описаны методологические основы диссертации, а также перечислены ее основные положения.

Первая глава посвящена объектам окружающего пространства, которые появляются на страницах житийных путешествий. В первую очередь, мы выделяем то, на чем останавливается мысль и глаз автора, представляющего нам своего героя в пути, а затем изучаем, как именно те или иные объекты описаны. Для того чтобы проанализировать значительное количество материала, все они разделены на две основные группы: природные объекты окружающего пространства (раздел 1.1.) и рукотворные, созданные человеком (раздел 1.2.).

Раздел 1.1. начинается с рассмотрения образа пустыни, имевшего важное значение в библейской и раннехристианской традиции. Несомненно, он остается актуальным и в средневизантийскую эпоху, несмотря на появление нового типа святого, городского

жителя и активного участника социально-политической жизни. На страницах житий по-прежнему часто встречается само слово ἔρημος, а также некие пустынные места (ἔρημοι τόποι), однако, их символическое значение физически воплощается в описании горных вершин или ущелий, поросших густыми лесами и непроходимым кустарником. Именно такой природный ландшафт превалирует на страницах житийных путешествий в их сухопутной части. Образы пустыни, гор и леса часто объединяются, образуя специфический образ некоего труднодоступного места (ἄβατος, δύσβατος τόπος).

Используя многочисленные примеры, мы показываем, что этот сложный образ мог иметь различные коннотации. С одной стороны, часто он описывается как желаемое место уединения, наиболее подходящее для аскетического подвига, с другой стороны, есть фрагменты, когда пустыня представлена исключительно отрицательно. Такие примеры редки, но именно это говорит об очень важном, по-нашему мнению, свойстве агиографической литературы: о возможности авторов покинуть пределы топоса или увидеть его по-своему.

Далее мы отдельно рассматриваем описание гор и горных массивов. Один из важных выводов, связанных с воплощением этого образа, состоит в том, что агиографы стремились адекватно передать реальные особенности описываемой гористой местности, а не помещали своих героев в некие абстрактные горы.

Затем мы анализируем описания рек и морской стихии. Оказалось, что несмотря на незримое присутствие моря в абсолютном большинстве текстов, в более ранний период авторы хоть что-то пишут о самом плавании только, если в ходе его произошли какие-то особые события, связанные с чудесным преодолением морских опасностей. В случае же если ничего необычайного не происходило, описание пути ограничивается констатацией факта, что герой добрался из одного пункта в другой на корабле. В XI-XII в. мотив морского путешествия уже не связан исключительно с чудесами.

В разделе 1.2. рассматриваются образы города, храма, монастыря, дороги. Несмотря на постоянно подчеркиваемое стремление святых удалиться от мира людей как можно дальше, агиографы уделяют социальному пространству значительное внимание. Они описывают встречи святых с простыми жителями городов и деревень, с представителями высшего общества, вплоть до императоров и императриц, с людьми разных профессий, возрастов, полов, вероисповеданий и т.д. При этом, в описании городов и храмов в абсолютном большинстве случаев превалирует не описание-экфрасис, а описание-действие. Образы городов и храмов рождаются, прежде всего, посредством перечисления того, куда и как перемещаются персонажи, их действий в пределах города, храма или монастыря.

В главе 2 представлен анализ метафорического образа дороги (путешествия). Используя принципы когнитивной теории метафоры, мы выделяем основные метафорические модели, где образ дороги используется в качестве источника для метафорического переноса. Анализ основной выделенной модели «жизнь – это дорога» позволяет прийти к выводу, что данная метафора была чрезвычайно распространена, использовалась в широком наборе вариаций и имела особую важность в исследуемом типе литературы.

В главе 3 исследован материал, связанный с чудесным преодолением опасностей и трудностей путешествия, которые составляют неотъемлемую композиционную и смысловую часть их описания в данном виде литературы. Анализ использования библейских мотивов позволяет выявить, с какой большой свободой агиографы относились, в частности, к ветхозаветному наследию. И если одни авторы могли полностью копировать известные чудеса, то другие могли с ними «дискутировать» или «усовершенствовать». **Раздел 3.1.** посвящен мотиву чудесного преодоления водной преграды. Здесь мы приводим примеры, демонстрирующие разные варианты привычного чуда, и акцентируем внимание на различных способах его совершения. **В разделе 3.2.** описаны опасности, подстерегающие житийного путешественника, и варианты их чудесного преодоления. Морские и сухопутные проблемы рассматриваются отдельно. К числу первых относятся штормы, кораблекрушения, пираты, пробоины, к числу вторых – встреча с заведомым врагом, разбойники, дикие животные. Особо мы рассматриваем опасности от встречи с демонами, а также приводим размышления и замечания разных авторов об излюбленном местообитании представителей темных сил. **Раздел 3.3.** описывает трудности и тяготы путешествия, которые святые преодолевают с помощью чуда. **Раздел 3.4.** посвящен способности святых сверхъестественным образом перемещаться в пространстве. В **разделе 3.5.** собраны примеры путешествий, осуществленных уже не протагонистами житийных памятников, а различными небесными покровителями. Судя по сведениям агиографов, эти персонажи фантастическим образом постоянно пребывают в движении, перемещаясь между храмами, освященными в их честь, или просто по разным городам.

Глава 4 посвящена особенностям передачи самого движения в ходе путешествия. Сравнение группы памятников IX-X вв. и XI-XII в. позволяет прийти к выводу, что в более поздней литературе само путешествие как таковое стало представлять для авторов больший интерес, занимая в повествовании более значительное место. Эти путешествия представлены с большим количеством реалистических подробностей и деталей, а также

обогащены индивидуальными ощущениями путешественников. В этом смысле манера описания очень схожа с текстами, которые появились в Византии именно в XII в. и которые посвящены непосредственно путешествию. Это описание паломничества Иоанна Фоки¹⁷, поэма Константина Манассии о его дипломатической миссии в Палестину¹⁸, письмо Николая Месарита о поездке из Константинополя в Никею¹⁹ и др. В этих памятниках степень авторского внимания к изображению всего, что они видят вокруг и что испытывают в процессе путешествия, невероятно высока. Окружающее пространство воссоздается очень тщательно, с большим количеством деталей, а гамма ощущений и эмоций человека, находящегося в пути, производит впечатление и на современного читателя. Самое главное, что во всех случаях мы отчетливо видим личность автора, и в этом смысле церковные писатели XII в. принадлежали своему времени и разделяли литературные вкусы своих современников.

В **заключении** обобщены основные итоги выполненного диссертационного исследования, а также приведены перспективы дальнейшей разработки темы.

Рассмотренный в диссертации материал относится только к средневизантийскому периоду, однако представляется, что исследование в таких временных рамках может быть оправдано, поскольку мы говорим об огромном промежутке времени. Очевидно, что культурно-социальные изменения в пределах этого периода были весьма значительны. Тем интереснее обнаружить изменения в литературном процессе, который не может их в той или иной мере не отражать.

Вывод об увеличении авторского внимания к описанию путешествий в полной мере отвечает тезису А.П. Каждана об эволюции в византийской культуре XI-XII вв., которая заключается в переходе от обезличенного, шаблонного к индивидуальному и от абстрактного к конкретному. В этот период натурализм в описаниях переплетается с растущей долей личности художника в искусстве, литература приобретает ощутимое эмоциональное содержание²⁰. Однако, в этой же работе Каждан говорит о том, что

¹⁷ Иоанна Фоки сказание конца XII в., изд. И. Е. Троицкого// Православный Палестинский сборник. Т. VII, вып. 2. СПб., 1889. С. 1-28.

¹⁸ Horna K. Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses. Byzantinische Zeitschrift 13, 1904. S. 325-347.

¹⁹ Nicolaos Mesarites. Reisebericht des Nikolaos Mesarites an die Mönche des Euergetisklosters in Konstantinopel. Ed. A. Heisenberg, II. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion.II // Sitzungberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse 2, 1923. S. 35-46. Послание Месарита формально выходит за рамки XII в., оно датируется 1208 г., но, поскольку это самое начало XIII в., все же представляется возможным рассматривать его в кругу повествований-путешествий предшествующего столетия.

²⁰ Kazhdan A. P., Wharton A. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries/ The transformation of the Classical Heritage, 7. Berkeley -Los Angeles - London, 1985. P. 219-220.

агиографический жанр в XI в. теряет свою живость, свою художественную силу²¹. Такая устоявшаяся точка зрения, несомненно, в большой степени соответствует реальности. Тем не менее, мы не можем игнорировать наличие памятников XI-XII вв., которые отражают эволюционные тенденции общие для всей литературы этой эпохи, представляют определенное развитие в рамках, казалось бы, окончательно «окостеневшего» жанра.

В целом диссертационное исследование помогает яснее понять, как работает топос в средневековой византийской агиографии; отчетливо увидеть, что несмотря широкое их использование, в текстах все равно присутствует индивидуальное авторское начало. Функционирование топоса достаточно пластично: если тщательно взглянуться в агиографические повествования, то будет сложно найти тексты, которые были бы вовсе неотличимы друг от друга. Многие авторы не просто собирали свои произведения из общих мест как из готового строительного материала, а старались их преобразовать, придать индивидуальный характер, сыграть на ожиданиях читателя. Кроме того, мы показали, что эволюция литературного штампа – важная и достойная изучения тема, особенно, для средневековой литературы.

Тема диссертационного исследования предлагает широкие перспективы для дальнейшей разработки. В первую очередь, следовало бы проследить развитие тех же мотивов в другие периоды истории византийской литературы, в частности, в Палеологовскую эпоху, а также интересно было бы продолжить сравнение их использования с другими жанрами, где содержатся описания путешествий, например, с историографией и византийским романом.

Кроме того, располагая данными, полученными в ходе исследования, можно плодотворно работать с отдельными, более узкими, темами. В частности, проанализировать изначально оставленные вне рассмотрения странства в потусторонний мир, которые в достаточном количестве содержатся в византийской агиографии. Сравнение их с «обычными» путешествиями позволит выделить различия или, наоборот, сходства в описании пространства и движения. Такое исследование может быть дополнено сравнением с подобными западноевропейскими источниками, проанализированными в книге П. Динцельбахера²².

Отдельной темой, особенно актуальной в настоящее время, является изучение наследия Симеона Метафраста. Сравнение метафраз ранне- и средневизантийского житийного материала, позволит выявить наличие или отсутствие в работах Метафраста специальных, характерных для его стиля, черт в описании путешествий. Рассмотренные в

²¹ Id., p. 200.

²² Dinzelbacher P. Vision und Visionsliteratur im Mittelalter. Stuttgart, 1981.

рамках данного исследования метафразы обнаруживают скорее следование за имеющимся образцом, чем четко определенную, унифицирующую трансформацию художественных средств, воплощающих мотив путешествия. Разумеется, для получения достоверного результата необходимо привлечение большого объема более ранних текстов.

Основные положения диссертации отражены в публикациях

в изданиях, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК:

1. *Мантова Ю. Б.* Репрезентация пространства в византийских житиях св. Никона Метаноите и св. Григентия //Историческая психология и социология истории. 2013. Том 6, номер 2. С. 79-86.
2. *Мантова Ю. Б.* Дорога в метафорическом ландшафте византийской житийной литературы//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №6 (36), часть 1. С. 110-115.
3. *Мантова Ю. Б.* Путешествия в византийской агиографии VIII-IX вв.: особенности художественного воплощения/ Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 23-25 июня 2014 г. СПб., 2014. С. 610-626.
4. *Мантова Ю. Б.* Бурный поток на пути византийского святого: литературное воплощение агиографического топоса/ Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 22-24 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 628-634.

в других изданиях:

1. *Мантова Ю.Б.* Давид, Симеон, Георгий// Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 603-605.
2. *Мантова Ю.Б.* Политический "конформизм" и "нонконформизм" в агиографии средневизантийского периода / Византия и византийское наследие в России и в мире. Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии. Москва, 2013. С. 177-180.
3. Давид Митиленский, преподобный; Симеон Митиленский, преподобный, исповедник; Георгий Митиленский, преподобный, митрополит. BHG 494. *Предисловие, перевод, комментарии Ю. Б. Мантовой/ Жития византийских святых эпохи иконоборчества.* Общ. ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). Том 1. СПб., 2015. С. 429-508.

Отпечатано в копи-центре « СТ ПРИНТ »
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 8 (495) 939-33-38
Тираж 100 экз. Подписано в печать 12.04.2016 г.